

Дети гнева и печали
Счастливецва (Казакова) Раиса Петровна
(1935 – 2014)

*Словно призраки, бледны,
Мы крепились – не кричали,
Дети страшной той войны,
Дети гнева и печали.*

В. Шамиурин

Кировчанка Раиса Петровна Счастливецва, в девичестве Казакова, сразу располагает к себе. Природа оделила её яркой внешностью, необыкновенно выразительным голосом, хорошим музыкальным слухом, способностью уверенно чувствовать себя на сцене, не теряться, когда тебя слушает много людей.

Рассказ о своём детстве, которое пришлось на годы Великой Отечественной войны, начала шутливо: «Родилась 8 января 1935 года в г. Кирове по собственному желанию и умру по сокращению штата на земле». Наш разговор состоялся весной 2014 года, и даже в мыслях не было, что до своего 80-летия она не доживёт всего лишь полгода, и «сокращение штатов» коснётся её этим летом. Всю жизнь она следовала девизу: «Назло неудачам, назло заварухам, чтоб ни было с вами – не падайте духом». Следуя этому девизу, она не падала духом никогда. Испытав в жизни немало горестей, сохранила добрый и весёлый характер. Убедитесь в этом сами, выслушав её рассказ.

«В семье я была младшей из четверых детей. Когда перед войной умер папа, мне шёл шестой годик, старшей сестре было двенадцать, брату – десять и второй сестре – восемь. Мы жили восьмером в 12-метровой комнате в полуподвале на ул. Свободы, с мамой, бабушкой и двумя двоюродными сёстрами. Кучно было, но жили очень дружно.

Перед войной, пока сёстры и брат были в школе, меня оставляли дома одну. Я была подвижным ребёнком, и не обходилось без казусов. Как-то весной, когда наступили тёплые дни, меня оставили на крылечке. В конюшне во дворе нашего дома соседи держали поросят. Мне было любопытно наблюдать за свинками, и я сползла с крылечка, а поросёнок ухватил меня за ногу и уволок к себе. Услышав истошные крики, соседи поспешили мне на помощь. Другой случай мог иметь тоже последствия. Я вертелась около соседа дяди Гриши, когда он запрягал свою лошадь. Не знаю, как я очутилась под лошадьё. Чудо, что сосед вовремя заметил меня.

Как трудно было в войну – не передать. Маму я почти не видела: она работала в аптечном складе, уходила рано, а по вечерам, чтобы лишнюю копейку заработать, развозила с братом на тележке по магазинам хлеб. Каждое лето её посылали в колхоз на уборку урожая в Кумёны и Вожгалы. Она брала меня с собой – оставить-то было не с кем – и я вместе с ней рвала

лён.

Конечно, оставаться одной в комнате было страшно. Однажды мама пошла на работу, и я незаметно побрела за ней, но потеряла из виду. Прохожие отвели меня в милицию. Когда меня хватились, в доме был переполох, меня повсюду искали. Когда они вечером обратились в милицию, меня уже собирались отвести в приют. Увидев маму, моё маленькое сердце готово было выпрыгнуть от счастья, и я закричала: «Это моя мама!».

В сорок втором я пошла в школу. Есть было нечего, так мы с сестрой Полиной ездили на товарняках за город на картофельные поля и перекапывали колхозную картошку. Нас ссаживали, гоняли, но мы умудрялись вернуться с полными кошелёчками, радуясь, что ляжем спать не голодными. Варили картошку прямо с кожурой. Иной раз даже собирали на помойках яичную скорлупу. Мама её перемывала и жарила на рыбьем жире, а если была крупа, то крупки туда бросала. Голод – не тётка, ели что придётся.

Господи, как же мы ждали тогда прихода весны! С какой надеждой осматривали пни и щели, заглядывали под заборы и обшаривали проталины да пригорки — вдруг да посчастливится найти красноватый росток крапивы или нежно дрожащие на ветру листики лебеды! О, тогда можно похлёбки отведать, а повезет набрести на их заросли, так и лепёшек наесться! Не беда, что пополам с корою, зато сытно, – желудок не журчит голодных песен, не сосёт под ложечкой, голова не кружится, и ноги не пухнут от перепоя воды вместо еды...

Мы, дети той поры, познали всю ценность трав и кореньев, научились ценить и беречь природу.

И не белоручками мы росли, не чурались никакой работы. Вверху нас жили зажиточные люди, так мы у них полы мыли, богатым полоскали бельё в овраге на улице Володарского, где была теплушка с тремя колодами. Летом полоскали с удовольствием, а вот зимой была просто беда: руки коченели от ледяной воды, и санки с бельём еле в гору выволакивали. По весне нанимались огребать крыши от снега. Меня тоже привлекали: я стояла на улице и предупреждала прохожих об опасности.

Трудно жилось, но мама в дни рождения исхитрялась приготовить что-нибудь вкусенькое: делала завариху, стряпала пироги. Часто мы ходили в лес за грибами и ягодами, даже продавали, чтобы купить хлеба или муки. Радость была, когда сестра привезла фасоли из Харькова, куда её направили на восстановление завода. Мы так обрадовались, думали, что это бобы, и наелись досыта. Хорошо, что нас спасли в больнице, где мы пролежали десять дней.

В войну мама научила меня вязать, и я хорошо вязала носки, рукавицы, которые мы носили раненым в госпиталь и посылали на фронт.

В День Победы мы всем классом ходили на площадь. Люди радовались как дети. Мама настряпала ватрушек и дома мы тоже устроили праздник.

После войны в нашей семье первую свадьбу мы сыграли у старшей сестры. Вернувшись из Харькова, она работала комсомольским вожаком на заводе «Маяк». Гостей было много, угощались в два присеста. Затем свадьбу

сыграл старший брат, который тоже работал на «Маяке». Так случилось, что шесть членов нашей семьи связали свою жизнь с этим заводом. На одном из юбилеев завода нашу династию чествовали на стадионе. После семилетки я два года работала на хлебокомбинате, но потом на 42 года влилась в ряды заводчан, окончила техникум, прошла путь от токаря до старшего инженера-нормировщика, принимала участие в освоении целины, за что награждена Знаком ЦК ВЛКСМ.

Работать было интересно. Сколько помню себя, всегда с удовольствием занимаюсь песней: пела в школе, в госпитале перед бойцами Красной Армии, на заводе в ансамбле «Огни маяка», в ансамбле «Надежда» ВОС, в соцзащите в ансамбле «Дружба», в садоводческом обществе «Быстрица», где в 45 лет купила сад, о чём ни разу не пожалела. Время просто не замечаю. Годы пролетают быстро и весело. Скучать мне некогда...».

Глядя на Раису Петровну, жизнерадостную, улыбчивую, не по годам моложавую, восхищаешься, что она выдержала все жизненные испытания: в сорок её здоровье подкосил диабет, в шестьдесят она овдовела, в семьдесят три потеряла зрение. Это случилось после того, как от острой сердечной недостаточности внезапно умер её тридцативосьмилетний сын. Но она нашла в себе силы жить, хотя рана в душе не затянулась. В трудные дни её поддержали родные, да и в первичке она нашла понимание, встретила людей, близких ей по духу, ей доверили быть группоргом, заботиться о незрячих.

Страшную боль в её душе оставила война. Не сдерживая слёз, она говорила: «В войну дети делали такие подвиги, жили в таких условиях, что нынешним детям трудно себе представить. В войну им приходилось выживать и заменять своих отцов везде. А сейчас дети живут в такое время, когда можно беззаботно поваляться в постели и есть то, что хочется, а ведь не так давно, 70 лет назад, дети были лишены всего этого. Они получали малюсенький кусочек хлеба и считали его деликатесом, а сейчас – то не нравится, это не нравится, не то дали, не на той тарелке подали, не так сказали, не то сделали... Конечно, голод забылся, а вот инвалидов, вернувшихся домой без рук и ног, до сих пор помню. Разве кому-то пожелаешь снова это пережить?»

*Материал подготовила Лидия Георгиевна Семёновых,
заведующая тифлоиздательским сектором
Кировской областной специальной библиотеки для слепых.*